

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I



Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

И. В. Сидорчук

СОВЕТСКАЯ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1920-х годов

Ранняя советская фантастика — одна из самых малоизучаемых тем в истории отечественной литературы. Вплоть до 1960-х годов ранняя отечественная фантастика была забыта исследователями.

Сидорчук Илья Викторович — студент исторического факультета СПбГУ

Только в 1968 г. была защищена первая в стране диссертация сирийца К. Джингры по проблемам советской научной фантастики, одна из частей которой посвящена научной фантастике 1920–1940-х годов. В 1960–1970-х годов, с признанием фантастики академическим литературоведением, формируется мощный отряд литературоведов и библиографов, чьи профессиональные интересы сосредоточились в области научной фантастики: Е. Брандис, Ю. Кагарлицкий, В. Ревич, И. Халымбаджа, Р. Нудельман, С. Никольский. С критическими и даже литературоведческими публикациями по тематике и проблематике фантастической литературы активно выступают писатели — И. А. Ефремов, Г. Альтов, А. и Б. Стругацкие, Г. И. Гуревич.

Начиная со второй половины 1980-х годов на первый план в изучении выходит литературная антиутопия. Эта тема доминирует в диссертационных исследованиях 1980–1990-х годов наряду с зарубежной фантастикой¹. Начинают выходить в свет многие антиутопические произведения ранее непечатаемых писателей, таких как И. Е. Замятин и А. В. Чаянов². В начале 1990-х годов официально были изданы работы ведущего отечественного специалиста в этой области В. А. Чаликовой.

По изучаемой теме увидела свет книга известного критика и литературоведа В. Ревича «Перекресток утопий» (1998). О ее содержании красноречиво говорит подзаголовок: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. В рецензии на книгу писатель Кир Булычев так охарактеризовал ее: «Это чудесная книга. Это первая настоящая, абсолютно честная и смелая история советской фантастики».

При изучении фантастики, в первую очередь, возникает проблема выбора наиболее удачного определения этого понятия. Большинство определений необходимо признать неудачными: они либо не дают нам возможности выделить фантастику в отдельный род литературы, либо выделяют фантастику в самостоятельную отрасль литературы лишь на основе приема «необычайного», что не может устраивать современного исследователя. Возникает необходимость отделить произведения, где фантастическое дается как нечто непосредственно действительное или выступает как очевидный вымысел, как художественная форма, при помощи которой раскрывается не фантастическое, а реальное содержание, от так называемой материалистической фантастики. Для этого было введено определение «научная фантастика». Но здесь сразу же возникли

кает вопрос: можно ли провести четкую границу между научной и ненаучной фантастикой, зная, что даже жесткие обоснования небывалых возможностей, идей и гипотез нередко оказываются мнимонаучными, а в произведениях сказочных встречаются неожиданные прозрения?³ Наиболее удачным, в данном контексте, видится определение научной фантастики как литературы, где фантастическое создается естественным путем — природой или техникой. В свою очередь «ненаучная» или «чистая фантазия» — та литература, где фантастическое создается сверхъестественными силами.

Однако постепенно тематический диапазон произведений этого жанра так расширился, что современная «научная фантастика» не обязательно ставит в центре своего внимания науку, а все чаще включает социальную фантастику. Частные научные проблемы все более заменяются морально-общественными проблемами⁴.

В связи с этим наиболее удачным представляется определение фантастики, выдвинутое филологом К. Джингрой в своей кандидатской диссертации «Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе»:

Научная фантастика — это литература образного выражения научных и социальных гипотез о будущем, настоящем и прошлом (по вопросам, разносторонне касающимся Человека), логически проецированных из явлений современности⁵.

В ранней советской фантастике очень быстро появились книги, соединившие технические гипотезы и проблемы с социальными⁶. Во многом поэтому такое определение наиболее подходит для данной работы. Здесь прилагательное «научная» не обязательно указывает на то, что в произведении речь пойдет о науке. Писатели этого жанра пользуются методом науки, а их произведения имеют рациональную основу. Также для авторов научно-фантастических произведений центром внимания является человек, проблемы, волнующие его. Гипотезы же о сугубо научных и технических проблемах могут войти только в научную, научно-популярную или научно-художественную литературу⁷.

Разумеется, что для более грамотного исследования возникает необходимость разделять всю фантастику изучаемого периода на несколько групп. Вполне понятно, что подобное деление, независимо от принципа по которому оно осуществлялось, в достаточной степени условно: все виды фантастики взаимно проникают и дополняют друг друга, и между ними иногда труд-

но провести четко обозначенную границу. Следующее разделение представляется мне наиболее удачным: научно-техническая фантастика (К. Э. Циолковский, А. Беляев), географическая фантастика (В. А. Обручев), утопия (В. Итин, В. Д. Никольский, Я. Окунев, С. Григорьев), «роман-катастрофа» (А. Н. Толстой, И. Эренбург, В. Катаев), «красный детектив» (М. Шагинян, В. Шкловский), космическая фантастика (А. Н. Толстой, Н. Тасин, А. Арельский), антиутопия (Е. И. Замятин, А. В. Чапанов).

В результате подробного анализа выбранных произведений в историко-культурном аспекте считаю возможным утверждать, что фантастика 1920-х годов намного опередила свое время. Она впервые стала уделять пристальное внимание человеку- и, по определению Е. Брандиса, «человечествоведению». Можно также вспомнить слова философа М. С. Кагана: «Только в 20-е годы — проблема человека станет *не только самостоятельной, но, несомненно, центральной проблемой философии*, а гуманитарные науки и все виды искусства устремятся к действительности реализации «поиска индивидуальности»⁸. Лишь в 1960-х годах фантастика приблизилась к уровню, достигнутому ей во второе десятилетие XX в.

Но фантастика в эпоху научно-технического прогресса с особой, присущей только ей силой, подчеркивала связь искусства, культуры с точными науками, с техническими инновациями. В то время как в Европе генералы и маршалы активно спорят на тему, сколько потребуется химического оружия в предстоящей войне для уничтожения населения вражеских городов, В. Шкловский отзывается на это сатирическим романом «Иприт». А. Н. Толстой, в свою очередь, в произведении «Гиперболоид инженера Гарина» предвосхищает создание лазера.

В рамках литературно-философской полемики весьма интересным представляется вопрос заочных дебатов между Ильей Эренбургом с одной стороны и Алексеем Толстым с другой. Основой для них служили различные взгляды писателей на перспективы дальнейшего развития человечества. Название фантастического романа И. Эренбурга «Трест Д. Е. История гибели Европы» переплетается с названием чрезвычайно популярного и активно изучаемого в то время труда О. Шпенглера «Закат Европы». Писатель проводит мысль о том, что с конца XIX в. европейцы тщательно уничтожали друг друга, Европа была охвачена манией самоубийства. Герой романа осуществил то, о чем, по мысли автора, помышляли мил-

лионы европейцев 1920–1930-х годов — массовое самоубийство⁹. Напротив, у Алексея Толстого чрезвычайно оптимистический взгляд на будущее мира. В «Аэлите» любовь, одно из самых прекрасных чувств, побеждает зло и смерть, а в романе «Гиперболоид инженера Гарина» все заканчивается провалом злобных планов коварного изобретателя. К А. Толстому присоединяется В. Катаев, также отрицающий взгляды И. Эренбурга. Его «Остров Эрендорф» — прямая пародия на роман «Трест Д. Е.», где он в шутиливой форме показывает неосновательность взглядов своего заочного оппонента.

В целом, спор между оптимистическим и пессимистическим, утопическим и антиутопическим в отечественной литературе решался в пользу положительного восприятия будущности. Ни от одного исследователя не скроется факт уникальности положения жанра утопии в Советском Союзе. В то время как зарубежная критика наперебой кричит об очевидном кризисе и упадке жанра утопии в европейской и американской литературе, у нас он продолжает активно развиваться.

Раннюю советскую фантастику можно рассматривать достаточно обособленно не только от мировых тенденций в этом жанре, но и в отрыве от слабых, только зарождавшихся традиций дореволюционной фантастической литературы. Безусловно, некая связь была; и в отношении, например, книг А. Богданова «Красная звезда» (1908 г.) и «Инженер Мэнни» (1913 г.) можно говорить о прямом воздействии на раннюю советскую фантастику, в частности, на «Аэлиту» А. Н. Толстого¹⁰. Но все же новые фантасты не ощущали себя преемниками, скажем, литератора-кадета Ивана Морского или князя В. Ф. Одоевского. Они создавали новую литературу, и зависимость от предшественников, в данном контексте, была бы роковой ошибкой. О развитии фантастики в 1930-е годы говорить, к сожалению, не приходится: ее в нашей литературе старались подменить «производственным романом»¹¹ или подчинить концепции так называемого «ближнего прицела».

Фантастика, долгое время остававшаяся где-то на отдаленной периферии русской литературы, в 1920-е годы внезапно оказалась совершенно необходимым литературным жанром. Только она, «только фантастика, позволяла увидеть голубые города будущего на месте развалин»¹². Это был первый, неповторимый и, скорее всего, единственный подобный случай в мировой истории. Фантастика

как никогда была связана с реальностью, она вот-вот должна была ею стать.

¹ Харитонов Е. Наука о фантастическом в России: Библиографический справочник. Исправленная и дополненная версия: 19 мая 2003 г. С. 4. // <http://www.fandom.ru>.

² Чаликова Г. Утопический роман: жанровые и автобиографические источники современных антиутопий и дистопий // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН. М., 1985. Вып. 3. С. 92–166.

³ Брандис Е. Фантастика и новое видение мира // Звезда. 1981. № 8. С. 41–49.

⁴ Джингра К. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе. Л., 1968. С. 1.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Ревич В. Перекресток утопий. У истоков советской фантастики // Орион. М., 1985. С. 309.

⁷ Джингра К. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе. Л., 1968. С. 2.

⁸ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. СПб., 2003. С. 224.

⁹ Эренбург И. Г. Трест Д. Е. История гибели Европы // Эренбург И. Г. Необычайные похождения. СПб., 2001. С. 293.

¹⁰ Харитонов Е. «Русское поле» утопий (Россия в зеркале утопий): Серия очерков // Если. 2001. № 6–8.

¹¹ Чумаков В. Фантастика и ее виды // Вестник Московского ун-та. М., 1974. Вып. 2. С. 72.

¹² Ревич В. Перекресток утопий... С. 309.